

18+

КОД ЛЕГИТИМНОСТИ²

ЭН МОСС

Эн Мосс

Код легитимности. Часть 2

*<https://litres.ru/74281644>
ISBN 9785006993198*

Аннотация

После того, как Квантовый Шёпот перекроил мир, а магия из скрытого феномена стала новой реальностью, из гонимой «иной» Алиса, пережив трагедию и прокляв возлюбленного, становится сначала учёным, а потом «претендентом», и в итоге принимает свою судьбу, пройдя через запутанный лабиринт предательства, жертв и вынужденного, но преображающего союза с Кассианом Каном, который видит в ней ключ к новой астрологической эре.

Это вторая часть романа-трилогии.

Содержание

Пролог	5
1	8
2	14
3	19
4	23
5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Код легитимности. Часть 2

Эн Мосс

© Эн Мосс, 2026

ISBN 978-5-0069-9319-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-9321-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 2

ЖЕНА. Эпоха Рыб

(Годы действия: 2059—2067)

Пролог

«Софийский университет объявляет набор вольнослушателей. Бесплатные курсы по гуманитарным и прикладным наукам. Старт 01.12.2059».

Высокая молодая женщина с пышным каре бронзового оттенка замерла перед дверями Архива, на правой половине которых было размещено объявление. Её серые внимательные глаза снова и снова пробегали каждое слово. Вот уже второй месяц она приходит сюда по вечерам каждое воскресенье, подрабатывая после клиники. И в прошлый раз этого листка не было. Первое декабря... Уже завтра.

«Что-то интересное? О, Университет... Ты пойдёшь?» — позади раздался звонкий голос. К дверям подошла хорошенькая черноволосая девушка, тоже собираясь уходить. Всмотревшись в застывшую у объявления фигуру, она рассмеялась: «Ну конечно, пойдёшь. Где только время на эту учёбу брать будешь...»

«Посмотрим», — отозвалась та, всё так же пристально глядя на объявление, и лишь потом повернулась, чтобы выйти вместе с напарницей на холодную улицу.

На следующее утро она подошла к Университету ещё затемно. У трёх высоких и очень тяжёлых даже на вид дверей уже толпилось человек тридцать — самые разные лица, мужские и женские, молодые и не очень. Мужчин, пожалуй, бы-

ло чуть больше. Тихий, сдержанный гул стоял в воздухе: будущие «вольнослушатели» перебрасывались словами, знакомились, их дыхание клубилось в колком утреннем воздухе.

Внезапно с глухим стоном медленно открылась средняя дверь. Толпа на мгновение замерла, а затем размеренно хлынула внутрь — под сень старинных сводов. Сразу за дверями каждому вошедшему вручали листок с перечнем курсов, доступных для посещения.

Внутри она невольно задержала дыхание. Прямо перед ней открывался огромный холл, взмывавший ввысь стрельчатыми арками. Каменные колонны, будто древние стражи, обрамляли широкую парадную лестницу, которая поднималась плавно и монументально — сначала до первой площадки, затем до второй, после которой разделялась и устремлялась выше уже двумя потоками, справа и слева от ослепительного витража, чья разноцветная мозаика пылала в утренних лучах, как собранный из стекла костёр.

Перед лестницей, перекрывая её ход, были поставлены два высоких стола-кафедры, за каждым из которых вошедших уже ожидали.

Сердце застучало чаще, когда очередь перед одним из столов сдвинулась, и настал её черёд. «Ваши имя и дату рождения, пожалуйста», — благожелательно спросила девушка за стойкой и улыбнулась этим красивым и немного встревоженным серым глазам.

Голос прозвучал твёрдо и ясно: «Анна. Анна Фальконе. 1

ноября 2025 года».

«Прекрасно. Вашу метрику, пожалуйста. Какие предметы планируете посещать, Анна? В неделю возможна запись не более чем на пять лекций».

Анна достала папку с документами, вынула зелёную книжечку — метрику — и подала её девушке. И пока та записывала её данные в Реестр вольнослушателей, с волнением осматривалась.

Девушка вернула ей метрику и приготовилась записать курсы, которые Анна могла бы посещать без статуса студента. Анна тряхнула бронзовыми волосами.

«Я бы хотела ходить на лекции по номософии, соционике, медицинскому минимуму... и ещё астрологии».

«Я уже год в Софии, и только сейчас смог попасть в Университет, представляешь?»

«Я специально сюда перебралась ещё три года назад. И ни разу до этого они не набирали вольнослушателей».

«Если бы не „Понедельники с Софией“, я бы так и остался в своём Кластере, примкнул бы к каким-нибудь ликвидаторам и таскался бы в мозельские заброшки на добычу „тёмного металла“. Потом фонил бы так же...».

Анна встрепенулась. «Понедельник с Софией», какое знакомое и почти родное название! Да, это был тот самый толчок, та самая спасительная соломинка, которая не дала ей опуститься после... Тут Анна нахмурилась. Прочь, прочь эти мысли. Она своё уже отплакала, отмучилась, и чуть не перешла ту грань, за которой только номер в сводках происшествий и безымянная могила.

Теперь она здесь. Ей следовало сразу ехать в Софию после... После всего. После того, как молодая женщина по имени Алиса перестала существовать.

— Привет! Ты Анна? Я, кажется, знаю тебя — видел в медцентре. Ты же там работаешь? — к ней обратился субтильный молодой человек в очках и растянутом коричневом свитере не по размеру. На голове забавно торчал вихор, как хохолок как у чибиса.

Анна не любила внезапные знакомства, и ещё больше не любила, когда её кто-то «узнавал». Здесь, в Софии, это бывало много раз, и если сначала Анна пугалась, то чуть позже поняла — это такой способ наладить связь и познакомиться. Здесь люди отчаянно и не скрывая нужды тянулись друг к другу — Анна не встречала такого ни в Лиссабонском Кластере, ни на Кипре, ни в Ломбардии. В Милане с ней пытались знакомиться, как раз в последний год перед отъездом в Софию, но это были неуклюжие попытки романтического ухаживания, которые Анна резко и не всегда дипломатично пресекала.

В Софии всё было по-другому. Здесь впервые за всё время своих скитаний, начиная с 19-летнего возраста, Анна чувствовала воздух и свободу взаимного обмена без калькуляции, словно дар искреннего запроса на партнёрство — и одновременно открытость к любому отклику. Здесь либо все были связаны со всеми, либо стремились установить эту связь. Этот город не просто так прозвали «Красный Улей» — за характерный цвет кирпичных зданий и за упорную попытку наладить контакт и сберечь крупицы знаний в мире, откатившемся в технологическую тьму. София стала цитаделью алхимиков, инженеров и архивариусов павшей цивилизации.

— Я Виктор. Почтовый служащий, теперь ещё вот студент, — хохлатый Виктор дружелюбно и немного застенчиво улыбнулся, и Анна вспомнила его: он приходил в медцентр в

её дежурство, его сыну требовалась серия акусонации, и Анну рекомендовали как способную ладить с малышами. В её присутствии манипуляции со звуко-волновым воздействием спокойно воспринимали даже самые чувствительные к сонору дети. Анна была лучшим сонантом в центре, и с ней затихали даже те, чьё тело отторгало звуковое вмешательство спазмами и лихорадкой. Словно её собственные вибрации гасили внутреннюю бурю, подготавливая почву для соннастройки и исцеления.

— Привет, Виктор. Да, точно, мы встречались в медцентре. Как твой малыш? Ингвар, да?

— Да, Ингвар, это мой, — заулыбался Виктор. — Намного лучше, спасибо большое! Он даже начал выговаривать целые фразы, чудо, что вообще заговорил, я невероятно горд. И счастлив, да...

Анна тепло улыбнулась. Это знакомство не сулило ей неприятностей или лишних нескромных вопросов. И на этот запрос связи можно было отозваться.

— Идёшь в актовый? Пойдём, я покажу, где удобнее всего. Мы здесь втроём с Почты, давай с нами.

Удобнее не получилось. В актовом зале все места были заняты, и даже в проёмах всех четырёх выходов стояли вольнослушатели. На стенах висели украшения из разноцветных шаров и бумажных цветов, сверху в потолочные окна лился льдистый свет декабрьского солнца. Ощущение праздника и какого-то даже священнодействия читалось во всей об-

становке. Кафедра на сцене была обита красным бархатом. Поодаль, чуть глубже, за длинным столом восседали пятеро — трое мужчин и две женщины, все седые, в почтенном возрасте, с чрезвычайно важными и одновременно усталыми лицами.

Виктору, углядев его в дверях, помахала с предпоследнего ряда женщина с короткой стрижкой и непомерно большими глазами за стёклами непомерно больших очков, и они с Анной пробрались и примостились на скамье рядом. «Лоя» — стриженная сунула по-мужски руку Анне, — «это Берни и Стефан». «Привет-привет». Спереди и сзади зашикали, призывая к тишине, и гул в аудитории как по команде стих.

На сцену вышел высокий худощавый пожилой мужчина, очень прямой, угловатый в движениях, в простых чёрных брюках и джемпере с горлом.

Он заговорил без микрофона, чётко выговаривая слова и завершая каждую фразу изящным движением крупных и повосковому бледных кистей.

«Сегодня Софийский университет открывает новую страницу своей истории и своей миссии. Мы впервые за долгие годы — сначала хаоса, потом медленного движения к восстановлению, — приглашаем открыто влиться в ряды получающих знания каждого, у кого есть внутренняя потребность и время на это. Сегодня, почти через двадцать лет после Шёпота, наши очевидные приоритеты — это Великая Сборка Знаний.

Вольнослушатели — это вы все, обычные люди, в которых есть искра неутолимого стремления к познанию, не важно, учились ли вы раньше или нет, обладаете ли какой-либо квалификацией или специальностью, или нет. Феномен неведомых ранее способностей скрывается в каждом, и только пробуя и открываясь без сомнений и страха отвержения, можно их осознать и развить. Вы — наша новая кровь! София нуждается вас также, как вы стремитесь к знаниям. Открывающиеся сегодня курсы — это ворота к обретению целостности.

Особенность такого подхода вот в чём. Мы, ныне живущие и сохранившие разум после всего пережитого, наконец остро осознали фрагментарность знаний после катастрофы. Вы спрашиваете, почему мы здесь, в Софии, тратим силы не на укрепление стен и сражения за ресурсы, а на пыльные книги и теоретические изыскания? Почему каждый, от уборщика до инженера, привлечён к Великой сборке знаний? Потому что сейчас, с высоты пройденного горького опыта и оглушённые коллапсом технологий, мы можем видеть, какой дорогой ошибкой может быть элитарность Знания.

Мы в Софии извлекли урок: знание, сконцентрированное в головах избранных, — это ловушка. Знание, распределённое среди миллионов, — это иммунная система цивилизации.

Каждый, кто находит старую книгу по астрологии или химии, каждый, кто записывает наблюдение за аномалией, каж-

дый, кто учится и передаёт навык дальше, — это кирпич в новой стене. Стене, которая защитит нас не сталью, а пониманием. Мы столкнулись с вызовами, для которых у нас нет готовых ответов. Нам всем вместе нужно заново понять, как работает жизнь в новых условиях.

И мы вместе создаём живой, дышащий организм — коллективный разум человечества, способный в следующий раз не сломаться под тяжестью новой реальности, а принять её и вырасти.

Вот почему вы здесь. Вы не просто студенты. Вы — нейроны в этом новом разуме. И от того, насколько прочными будут связи между нами, зависит, выживет ли завтра человечество».

— Соционика — это вещь! А какой там препод! — глаза Лои стали ещё непомернее от восторга. — Линда Евангелия, ей уже 82, но какой потрясающий ум. Свою докторскую степень, в соционике одну из первых, между прочим, она получила 4 года назад. Говорят, все её родные ушли в первой волне Помешательства, а у неё мозг стал работать чётче. Ужас, конечно, не знаешь, что и лучше — спятить со всеми или защитить докторскую в 78... Кто идёт?

Виктор и Стефан кивнули, а Анна покачала головой:

— Не в этот раз. Сейчас начнётся вводная по астрологии, ведёт Борислав Маркович. Я читала его книги, и даже одну прихватила с собой. Очень хочу его послушать вживую.

— О! — Виктор оживился, — Я читал о нём, он создал какую-то интересную концепцию назначения должностных лиц в соответствии с астрологическими показателями. Иду с тобой. Лоя, встретимся уже после четырёх.

— Ладно, я тогда зайду за вами обоими после вашей астрологии, какая у вас аудитория? 205? Ну и отлично, в одном корпусе с нами.

Лоя со Стефаном ушли с потоком желающих послушать лекцию о закономерностях распределения психической энергии, а Анна и Виктор отправились посмотреть вживую на человека, ставшего в свои неполные пятьдесят име-

нитым учёным, популярным далеко за пределами Софии.

Они пришли чуть позже, когда в аудитории почти не осталось мест, и было таинственно и сумрачно от опущенных штор и едва уловимого дрожания света проектора.

На большом экране за спиной профессора Марковича медленно плыли, слегка подёргиваясь, изображения глиняных испещрённых клинописью табличек и схематичные карты звёздного неба.

«Представьте себе пыльную, прокалённую солнцем равнину. Тысячелетия назад. Месопотамия. Здесь, под этим бескрайним куполом ночи, и родилась наша старая знакомая — астрология. И рождалась она не в облаках мистики, а в суровых котлах государственной необходимости...», — он сделал паузу, обводя аудиторию взглядом, в котором плясал огонь исследователя.

Профессор Маркович был хорош во всех смыслах — высокий, представительный, с озорной улыбкой, которая чрезвычайно шла ему, и он это прекрасно осознавал. Небольшая рыхлость фигуры компенсировалась выдающимся ростом и шириной плеч, начинающие редеть ото лба волосы ещё не утратили свой очень тёмный, почти чёрный, цвет. Весь он был живой, подвижный, и при этом очень представительный, и с первых же фраз мгновенно располагал к себе звучным и глубоким голосом.

«Шумеры, а затем вавилоняне были прагматиками. Они первыми предположили, что хаос мироздания — лишь ка-

жушийся. Что небо — это гигантский, идеально отлаженный механизм, а значит, его можно просчитать. Предположение было не случайным, и их жрецы были не колдунами, а первыми в мире астрономами-бюрократами. Они скрупулёзно, ночь за ночью, фиксировали на глиняных табличках всё: восходы и заходы планет, движение Луны, появление комет. И параллельно вели столь же тщательные записи о том, что происходило „внизу“: разливы Тигра и Евфрата, урожай, эпидемии, победы в войнах и смерть царей».

На экране появилась древняя карта с изображениями зодиакальных созвездий.

«И вот качественный скачок, интеллектуальная догадка. Они начали сопоставлять. И обнаружили корреляцию. Появление на небе определённой планеты в определённом созвездии совпадало с разливом реки. Затмение Луны — со смертью старого правителя и восшествием на престол нового. Так родилась фундаментальная, ослепительная по своей простоте и мощи концепция: „Как на небе, так и на земле“. Небесный порядок является прообразом, матрицей для порядка земного. И если ты понял законы неба, ты можешь предсказать судьбу царства. В этом был сакральный, государственный смысл их работы. Они вычисляли волю богов, выраженную в языке математики и небесной механики».

Профессор театрально простёр руку назад, в сторону экрана, вглядываясь в обращённые к нему лица, затем развернулся и указал на сложные астрономические расчёты.

«И поверьте, их вычисления были головокружительно точны для своего времени. Они не просто знали о прецессии — они вычислили её скорость. За тысячелетия до нас с вами вавилонские астрономы знали, что точка равноденствия смещается примерно на один градус за 72 года. Полный круг, Великий год, за 26 000 лет! Представляете? Они оперировали такими масштабами, глядя на небо невооружённым глазом!»

Профессор обвёл глазами полную слушателей аудиторию, затем продолжил, понизив голос до доверительного, почти заговорщического шёпота, который волшебным образом стал ещё глубже и слышнее: «И эти вычисления и сопоставления, эти идеи о принципах мироздания были позже сформулированы в одном из самых загадочных текстов в истории человечества — «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста. Всего несколько строк, но они — квинтэссенция всей древней мудрости. Помните? «То, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху. И то, что вверху, аналогично тому, что внизу...».

В аудитории воцарилась абсолютная тишина. Анна огляделась. В затемнённом помещении аудитории несколько человек умудрялись что-то лихорадочно записывать, почти уткнувшись в свои тетради, но большинство сидели не шелохнувшись, заворожённо слушая страстную и вдохновляющую речь профессора Марковича.

«Вот он, великий мост. Астрология изначально и была

этим мостом. Она никогда не была лишь „гаданием“. Она была первой попыткой построить единую теорию всего — связать воедино движение планет и судьбы народов, законы математики и волю богов, науку и религию. Она говорила: всё в этом мире взаимосвязано. Макрокосм и микрокосм — суть одно».

Он выключил проектор, подошёл к окну и поднял штору. В аудитории снова стало светло. Анна словно вынырнула из увлекательнейшего путешествия.

А глубокий, красивый баритон профессора звучал в полной тишине словно голос жреца: «Тысячелетия назад те безвестные вавилонские писцы, которые ночь за ночью вглядывались в звёзды — они пытались не узнать свою личную судьбу, а понять логику мироздания. Они заложили фундамент. А что мы построим на нём — точную науку или красивую сказку — решать уже нам. Исследуйте. Ищите. Задавайте вопросы. Астрология позволит найти ответы, заложенные в саму канву мироздания, так как это один из инструментов познания, всё ещё действующий в нашей новой реальности».

После лекции к профессору Марковичу потянулся ручеёк почитателей его таланта и книг с просьбой об автографе. Профессор, казалось, с удовольствием выполнял такие приятные обязанности звёздной персоны, и любезно спрашивал имя у каждого желающего автограф, надписывая свои книги адресно.

— Фальконе? Анна Фальконе? Я о Вас слышал. Вас очень хвалят на медицинском минимуме. Говорят, Вы делаете большие успехи, и Вас есть талант.

Анна зарделась. Ей невероятно тепло было это слышать, и так волнительно, что она забыла всю свою тщательно подготовленную и отрепетированную речь. Вместо этого она неловко протянула книгу с неброской обложкой, на которой угадывался рисунок солнечной системы на фоне геометрических фигур, отдалённо напоминавших египетские пирамиды, авторства проф. Б. Марковича, и робко произнесла:

— Подпишите, пожалуйста.

Профессор бегло надписал что-то на развороте, а потом внимательнее всмотрелся в книгу:

— О! «Сакральная меритократия». Это же самое первое издание. Где вы его откопали? Надо бы уже написать более актуальную работу, там есть что поправить и улучшить, — профессор благосклонно и даже с интересом посмотрел на

Анну лучистыми зелёными глазами, протягивая ей книгу с автографом, и руки их встретились одновременно со взглядами.

И тут Анну молнией прошибло воспоминание: летний вечер на побережье в Лимасоле, замерший на мгновение мир, шелест крыльев, шагнувший из сияния и склонившийся над ней мужчина с ясными зелёными глазами и родинкой между бровями.

Анна смотрела на профессора остановившимся взглядом — на его высокий благородный лоб с выпуклой и тёмной, но не портящей его родинкой на переносице, и с намечающимися залысинами, тоже удивительным образом его украшающими, на всё его дышащее врождённым благородством породистое лицо...

Это был он! Конечно, много старше, но это точно был он — тот человек на набережной. Случайный прохожий, пленник оптической иллюзии, который невольно стал символом, точкой отсчёта всех последующих невероятных и плохо контролируемых трансформаций её личности и жизни вообще.

— Э... Что с Вами? Анна? Вы в порядке? — профессор участливо, но не очень встревоженно, наклонился к ней. Это было какое-то дежавю, и Анну накрыла волна озноба.

— Вы, наверное, переутомились и разволновались, молодости это свойственно.

— Я ничего. Всё в порядке. Душно просто... — лепетала она, стараясь не пожирать его глазами, а фокусироваться

на чём-то обыденном, сиюминутном, на «здесь и сейчас» — убрать книгу в сумку, застегнуть её, поправить рукава жакета и сам жакет. И снова смотрела на профессора сияющими глазами. Пока её не одёрнула Лоя, зашедшая недавно, с изумлением глядящая на странности Анны и уже изнемогающая от неловкости за приятельницу.

— Спасибо, профессор, Ваша лекция — это что-то невероятно увлекательное и очень полезное. Мы обязательно придём на следующую, — Лоя сильно дёрнула Анну за руку, и та наконец пришла в себя:

— Да, спасибо, профессор Маркович, до встречи!

— Я давно не видел этой книги в свободном доступе, — профессор задумчиво смотрел на Анну. — Это редкая вещь, и мало кто ценит её так, как стоило бы.

Он вдохнул, слегка развёл руками, будто удивляясь этому невероятному факту, затем, убирая очки в футляр и далее в нагрудный карман, буднично продолжил:

— Я набираю группу студентов для одного исследования, научная работа по практической астрологии под моим руководством. Толковых молодых людей не так-то просто найти. Не хотите поучаствовать в отборе?

— Да, конечно! — Анна заврожённо смотрела на профессора, не в силах отвести глаза, даже читая снисходительное понимание в морщинках у его улыбающихся глаз. — Только я вольнослушательница, курсистка.

— Это ничего. Пройдёте отбор — станете студенткой. В

этом и смысл курсов, — и он подмигнул ей слегка игриво.

Зима 2060 года выдалась холодной, но в Университете хорошо протапливали, и там всегда было светло.

В группу профессор Маркович набрал пятерых вольнослушателей, включая Анну. И если двое казались Анне весьма посредственными молодыми людьми, и только профессор с высоты своего опыта видел в них потенциал, то Виктор, её приятель с Почты, и ещё некий странноватый Максим были очень интересными собеседниками. Максим, молчаливый молодой мужчина немного заносчивого вида, редко сам начинал разговор, чаще всего Виктор обращался к нему с каким-то утверждением и втягивал в обсуждение. Анна с удовольствием слушала их разговоры, иногда даже словесные перепалки, причём Максим практически никогда не был согласен с мнением оппонента и очень часто выдвигал аргументы «против» настолько глубокомысленные или раскрывающие предмет спора с иной стороны, что Анне частенько хотелось записать ход его мысли и принципы построения возражений. Его даже прозвали за глаза «Макс Да-но...».

Но он ненадолго задержался в их группе. Насколько Анна слышала, он ни в одной не задерживался дольше чем на месяц.

Их небольшой коллектив он покинул после второй встречи. Профессор Маркович собрал их в небольшой аудитории

в конце января, и начал с того, что поблагодарил Анну за то, что она подсказала ему тему сегодняшней лекции. Анна зарделась, не совсем понимая, о чём пойдёт речь, и пожала плечами в ответ на вопросительный взгляд Виктора. Но тут сам профессор пояснил:

— Анна напомнила мне о моей работе, написанной десять лет назад, когда я ещё только-только стал увязывать воедино разрозненные куски знаний из социологии, политологии, астрологии. Тогда не было столько данных, архивы ещё только-только научились восстанавливать и накапливать носители с информацией до-Шёпотной эпохи.

Он задумался на несколько секунд, помолчал, потом бодро и звучно продолжил:

— В те времена учёные изучали общество как механизм, а государство — как форму его устройства и функционирования. Социология вскрывала его мягкие ткани, политология описывала взаимодействие сил, философия задавала вопросы «зачем?». Но почему-то, говоря о социальных лифтах, ведущих к штурвалу государственного корабля, они рассматривали лишь три их типа: кровь, капитал и случайную удачу — демократические выборы. Тогда в своей работе я задался вопросом, почему мы игнорируем четвёртый, самый древний и, возможно, самый эффективный — меритократию. Изучив все доступные на тот момент источники данных, я понял, что меритократия была незаслуженно отброшена и забыта. И не потому, что она утопична. А потому, что

мы забыли, чем она должна быть освящена.

Все пятеро молча слушали, Виктор даже наклонил птичьей голову. Профессор обошёл стол, на который до этого выложил пару книг и папку с бумагами, и присел на его краешек перед группой. Потом весело взгляделся в каждого и задорно произнёс:

— Вы задаётесь вопросом: «А при чём здесь астрология?»...

Но все молчали. Максим что-то невнятно буркнул, но тоже промолчал.

— Ну, хорошо, — продолжил профессор Маркович, — вернёмся к понятию «Меритократия». Что это такое? Это общество, где элита формируется не по крови и не по толщине кошелька, а по заслугам. Но не тем, что измеряются только количеством опубликованных статей или голосов на выборах. Речь о заслугах перед целым, перед тем, что древние называли «Космосом», а мы можем назвать «Циклическим Развитием» или «Общим Законом». И здесь астрология — не суеверие, а инструмент. Инструмент глубинной психологии и профориентации.

Вы скажете: «Любая элита рано или поздно вырождается, любая иерархия костенеет». И будете правы. Но посмотрите на небо. Что мы видим? Не хаос, но иерархию. Иерархию, основанную не на произволе, а на законе. Закон всемирного тяготения — великий меритократ. Планета занимает своё место не по праву наследования, а в силу своей массы, ско-

рости, энергии влияния — своих заслуг перед системой.

Анна и Виктор переглянулись. Профессор заметил это движение и остановился напротив них, переводя взгляд с одного на другую. Его голос зазвучал убеждённо и весомо:

— Представьте систему, где при отборе кандидата на ключевой пост — скажем, министра сельского хозяйства — наряду с его дипломами и опытом рассматривается его натальная карта. Силён ли в ней Сатурн, дающий терпение и понимание долгосрочных циклов? Гармонично ли расположена Венера, отвечающая за ценности и красоту, то есть — за экологию и эстетику ландшафта? Находится ли его Юпитер, планета расширения, в знаке, связанном с ресурсами?

В аудитории прошёл сдержанный гул. Профессор улыбнулся.

— Я вижу ваш скепсис. Вы думаете: «Это что же, по гороскопу назначать?» Нет. Речь не о фатальной предопределённости. Речь о соответствии. О том, чтобы поставить нужного человека в нужное время и в нужное место, максимально используя его врождённый потенциал, как инженер использует свойства материалов. Принцип «Что вверху, то и внизу» работает и здесь: гармоничная небесная конфигурация стремится породить гармоничные социальные структуры.

Он вернулся за стол, завершая мысль:

— Таким образом, сакральная меритократия — это не возврат к кастовому обществу жрецов. Это попытка построить общество будущего, используя забытые инструмен-

ты прошлого. Где власть — это не привилегия, а бремя, возлагаемое на того, кто астрологически, интеллектуально и морально наиболее к нему подготовлен. Где звёзды не диктуют судьбу, а советуют, подобно сложнейшему алгоритму, прошедшему тысячелетние испытания. Наша задача — не бояться этого знания, а научиться читать его без суеверного трепета и слепого отрицания. Возможно, именно в синтезе точного расчёта и духовного поиска и кроется формула нового и устойчивого общества...

Тут справа от Анны раздался тихий, но решительный голос Максима:

— Профессор, Вы говорите о бремени власти и гармонии. Но любое государство, даже самое просвещённое, держится на монополии на легитимное насилие. В этой сакральной меритократии кто и как будет осуществлять это насилие? И можно ли вообще построить общество, где оно будет сведено к минимуму? Не утопия ли это, в которой Вы просто заменяете одних надзирателей на других, пусть и с соответствующими астрологическими картами?

Остальные члены группы слегка встрепенулись, заёрзали, поглядывая на Максима. Похоже, лекция будет не такой занудной... Профессор Маркович не смутился, на его лице появилась лёгкая одобрительная улыбка.

— Блестящий вопрос, Максим. Он затрагивает самую суть любой социальной организации. Ты прав — насилие, увы, является тем первичным бульоном, из которого кри-

сталлизуется государственность. Но давайте посмотрим на историю через призму астрологических архетипов.

В Эпоху Овна, под знаком Воина, насилие было прямым, физическим и сакрализованным — жертвенный агнец, заклание врага. В Эпоху Рыб, под знаком Жертвы и Тайны, оно стало опосредованным — инквизиция, идеологическое подавление, тотальная слежка. Монополия на насилие всегда была монополией на интерпретацию: «Мы караем не потому, что сильны, а потому, что это воля Божья» или «...потому что так требует Историческая Необходимость».

Он снова вышел из-за стола, но не сел на него, как обычно, а встал прямо и ровно, расправив плечи. Его голос стал глубже:

— Что же предлагает нам логика Водолея? Я вижу не утопию, где насилие исчезает — это невозможно. Я вижу эволюцию. Монополия на насилие в сакральной меритократии должна трансформироваться в монополию на Целесообразность. И осуществлять её должен не карательный аппарат, подчинённый правящей касте, а независимый Совет Целесообразности...

Тут снова его перебил Максим, слегка невежливо и с едва заметным пренебрежением, чуть повысив голос:

— То есть, группа избранных, которая будет решать, кого и за что казнить? Чем это лучше революционного трибунала?

Профессор кивнул, показывая, что принял вопрос. Потом

всё же осел одним бедром на стол и убеждённо ответил:

— Тем, что это не трибунал, а коллегия диагностов. Их задача — не карать, а лечить социальный организм. Представьте, что преступление — это симптом болезни общества. Совет, куда войдут не только юристы, но и социологи, психологи, философы и да, астрологи-аналитики, будет исследовать не только личность преступника, но и социальный и астрологический контекст преступления. Было ли это следствием личной кармы, проявлением планетарной напряжённости, которая воздействовала на неустойчивую психику, или сбоем в самой социальной системе?

Он увидел недоверие и даже непонимание в обращённых на него глазах и продолжил ещё более воодушевлённо:

— Насилие со стороны государства в таком случае перестаёт быть карательным актом, возмездием. Оно становится высшей мерой педагогики, последним средством, когда все остальные — коррекция, изоляция, перевоспитание, изменение среды — исчерпаны. И применяться оно должно с холодной, сатурнианской необходимостью, как хирург ампутирует гангренозную конечность, чтобы спасти организм, а не из гнева или жажды мести.

Тут Анна, не выдержав, робко подняла руку. Профессор благосклонно кивнул, и она немного извиняющимся голосом произнесла:

— Вы говорите о невероятном уровне мудрости и непредвзятости этого «Совета». История не знает таких примеров.

Власть развращает — это, по-моему, довольно точная цитата.

Профессор самодовольно улыбнулся, как будто Анна ему подыграла:

— Абсолютно верно! Поэтому ключ — в системе сдержек и противовесов, основанной на том самом принципе «что сверху, то и внизу». Если карта члена Совета будет показывать склонность к садизму, злоупотреблению властью, мании величия — он не должен быть даже допущен к этой работе! Мы же не назначим человека с больным сердцем в пограничники? Отбор должен быть по призванию и соответствию. Это и есть меритократия в её высшем проявлении — власть не самых «умных», а самых адекватных своей задаче.

Оглядев своих молчащих слушателей, затем глянув вопросительно на Максима, но не получив от него встречного вопроса, профессор Маркович драматически вздохнул, его взгляд стал отрешённым, словно глядящим в неведомые дали Космоса, голос приобрёл мечтательные модуляции:

— Неизбежно ли насилие? Да, как неизбежна смерть. Но подобно тому, как современная медицина борется со смертью, отодвигая её всё дальше, задача сакральной меритократии — не уничтожить насилие, а сделать его крайней, а не рядовой мерой. Создать такое общество, где сама социальная среда, пронизанная принципами гармонии и осознанности, будет рождать меньше поводов для его применения. Это не утопия, Максим. Это — самый сложный, многолетний про-

ект по очеловечиванию власти. И первый шаг к нему — признать, что насилие есть симптом несоответствия.

5

На следующей их встрече, на которую Максим уже не явился, профессор Маркович втянул их в интереснейшее обсуждение — построение и разбор карты элекции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.